

Шаг за шагом автор демонстрирует, как менялось отношение населения Германии ко Второй мировой войне в ходе разворачивания конфликта и побуждает читателей переосмыслить те вещи, которые казались знакомыми. Объемный исторический труд, наводящий на глубокие размышления.

Марк Роузман, профессор истории, Индианский университет в Блумингтоне

Богатый и впечатляющий пример этического осмысления проблемы с сохранением непредвзятости и критичности. Автор распутывает паутину пропаганды и морализма, чтобы дать нам возможность взглянуть на военный конфликт глазами немцев — как нацистов, так и тех, кто не поддерживал Гитлера. Нам словно выпадает шанс пережить эпизоды войны вместе с современниками тех событий. Немалый риск — описывать историю этой невероятно жестокой и разрушительной войны будто изнутри, через призму чужого восприятия.

Джейн Каплан, почетный профессор, колледж Святого Антония в Оксфорде

Выдающаяся книга выдающегося историка. На основе вдумчивого исследования частной переписки, секретных документов, пропагандистских материалов и других источников показано, что именно и в какой момент узнавали немецкие граждане — как солдаты, так и мирное население — о ходе войны, что они думали о ней, и как режим, всегда принимавший во внимание настроения людей, видоизменялся в зависимости от этих настроений. Шедевр исторического описания, органично сочетающий взгляд с отдаленной перспективы и частную микроисторию этого катастрофического периода XX века.

Ян Томаш Гросс, историк, социолог и политолог, профессор Новой истории, Принстонский университет, автор книги «Соседи. История уничтожения еврейского местечка»

Лавируя между рифами чудовищного насилия войны и отмелями невероятной сложности отдельных судеб, между вызовами, встающими перед простыми людьми, и безжалостностью неподвластной им военной машины, автор разворачивает повествование, основанное на богатейшем материале. Это не просто рассказ или история, это настоящий эпос.

Джефф Эли, профессор истории и германистики, Мичиганский университет

В этой книге словно мощным прожектором высвечивается проблема национального самосознания. В ней объясняется — что мало кому удавалось, — почему немецкий народ продолжал драться до самого конца.

Шелдон Гэрон, профессор японистики, Принстонский университет

Потрясающая книга. В ней блестяще исследуются дневники, письма и другие ранее неизвестные источники и содержится яркое и тонкое понимание мотивации простых немцев, сражавшихся в самой ужасной войне всех времен.

Ян Кершоу, историк, специалист по истории нацизма, член Британской академии, автор книг «Гитлер» и «Конец Германии Гитлера. Агония и гибель»

Прекрасно написанная и убедительно аргументированная книга. Необходимое чтение.

Саул Фридендер, израильский историк, лауреат Пулицеровской премии, специалист по истории Холокоста, автор книги «Нацистская Германия и евреи»

Детальные портреты немецких мужчин и женщин, своего рода отчет немцев о личном опыте войны.

Times Literary Supplement

Превосходное и значимое исследование на тему Второй мировой войны.

Spectator

Неожиданные прозрения как в отношении человечности, так и поворота к варварству.

Economist

Яркая история повседневной жизни отражает сложные чувства простых немцев при нацистском режиме... Превосходное исследование.

Guardian

Масштабное социальное полотно.

New York Review of Books

Сложный портрет нации, охваченной патриотизмом и негодованием, взволнованной ранними военными победами и гордящейся боевыми способностями вермахта.

Foreign Affairs

Николас Старгардт

МОБИЛИЗОВАННАЯ НАЦИЯ

**Германия
1939–1945**

УДК 94(430).086

ББК 63.3(4)6

C77

Nicholas Stargardt
THE GERMAN WAR
A Nation Under Arms, 1939–1945
Citizens and Soldiers

Перевод опубликован с согласия Jill Grinberg Literary Management LLC, Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency

На переплете: 15-летний солдат из зенитного расчета немецкого люфтваффе Ганс-Георг Хенке после взятия в плен американскими войсками весной 1945 года

© John Florea/The LIFE Picture Collection via Getty Images

Старгардт Н.

C77 Мобилизованная нация : Германия 1939–1945 / Николас Старгардт ; [пер. с англ. А. З. Колина]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 688 с. : ил.

ISBN 978-5-389-13550-5

Книга оксфордского профессора, одного из самых авторитетных исследователей нацизма, рассказывает о Второй мировой войне с точки зрения граждан Германии. В ее основу легли частные письма и дневники времен войны. В хронологическом порядке, с 1939 по 1945 г., изложено, как немцы восприняли начало войны, какие у них были надежды и страхи и как менялись их мысли и чувства в моменты побед и поражений, а также после разгрома нацизма. Автор подробно останавливается на том, как граждане воюющей страны воспринимали репрессии и жестокости на завоеванных территориях и в самой Германии, как относились к покоренным народам, к евреям и к «окончательному решению еврейского вопроса», а также на сложных взаимоотношениях между государством и церковью. Много места уделено теме массовой нацистской пропаганды. Немалый интерес представляют подробности повседневной жизни Германии на фронте и в тылу: нехватка продовольствия и промтоваров, карточная система, бомбежки, эвакуация, взаимоотношения с иностранными рабочими, проблемы детей и подростков. Занимая совершенно очевидную антинацистскую позицию, Николас Старгардт сознательно избегает оценок, стремясь дать беспристрастное, подтвержденное документами описание.

«Это книга о долгой войне. Шаг за шагом на ее страницах мы проследим за изменениями немецкого общества и за тем, как почти незримо, но необратимо отдельные люди приспособлялись к войне, течение которой, как они с каждым днем чувствовали все больше, перестало поддаваться какому бы то ни было влиянию с их стороны. Мы проследим за сменой ожиданий, колебаниями надежд и опасений личностей, проходивших через формировавшие их события. Истории этих людей дают нам эмоциональное мерило пережитого и служат нравственным барометром общества, вступившего на путь саморазрушения». (*Николас Старгардт*)

УДК 94(430).086

ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-389-13550-5

© Nicholas Stargardt, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Карты	7
Предисловие	17
Введение	23
Часть I. ОТРАЖАЯ НАПАДЕНИЕ	
1. Ненужная война	45
2. Смыкая ряды	75
3. Крайние меры	95
Часть II. ХОЗЯЕВА ЕВРОПЫ	
4. Прорыв	117
5. Победители и побежденные	151
Часть III. ТЕНЬ 1812 ГОДА	
6. Германский крестовый поход	185
7. Первое поражение	227
Часть IV. В ТУПИКЕ	
8. Секрет Полишинеля	259
9. Выкачивание ресурсов Европы	293
10. Письма к мертвым	330

Часть V. ВОЙНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

11. Бомбежки и возмездие	371
12. «Держаться до конца!»	408
13. Время займы	445

Часть VI. ПОЛНЫЙ РАЗГРОМ

14. Вгрызаясь в землю	475
15. Крушение	507
16. Последний аккорд	545
Заключение. Переход через пропасть	568
Примечания	595
Библиография	648
Фотоматериалы	684

КАРТЫ

МОБИЛИЗОВАННАЯ НАЦИЯ

МОБИЛИЗОВАННАЯ НАЦИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленная вниманию читателя книга венчает временной отрезок продолжительностью более двадцати лет, в течение которых я старался понять опыт и переживания людей, живших в Германии и под немецкой оккупацией во время Второй мировой войны. Книгу эту, признаюсь, я вообще изначально писать не собирался. В 2005 г. я клялся себе и другим, что, едва успев закончить «Свидетели войны: жизнь детей в нацистской Германии» (*Witnesses of War: Children's Lives under the Nazis*), никогда не вернусь к теме детей, Холокоста и нацистской Германии. Работа начиналась как небольшой очерк о том, за что же все-таки сражались немцы; меня одолевало стремление кое-что сказать по этому поводу. Позднее, на протяжении академического отпуска в Свободном университете Берлина в 2006–2007 гг., эссе зажило своей жизнью и стало перерастать в нечто более крупное.

Между двумя книгами явно существует преемственность. Наиболее очевидное сходство — мой интерес к изучению субъективного в истории общества на примере письменных документов эпохи и попытка понять механизм восприятия людьми разворачивавшихся вокруг них событий; ведь в таких случаях никто не знает наперед, как все закончится. Но нельзя не заметить и столь же явных различий. В книге «Свидетели войны» я стремился относиться к детям как к самостоятельным игрокам на общественном поле, к тому же пытаюсь совместить несовместимое — точки зрения детей, которых война и расизм разделили на победителей и побежденных. Книга, которую вы держите в руках, выявляет иную проблему: как докопаться до страхов и надежд

общества, откуда происходили победители и преступники, чтобы понять, как немцы оправдывали войну для самих себя. Чтобы заострить внимание на вопросе, я постарался «настроить объектив» разом в ширину и в глубину, для первого используя «крупный» план, основываясь на информации из подслушанного в разговорах людей осведомителями или выявленного военной цензурой при перлюстрации писем; для второго — обратившись к выбранным мной индивидам, представителям разных слоев социума, наблюдая на протяжении значительного периода времени за изменением их чаяний и планов по мере течения войны и приобретаемого с нею опыта. При таком подходе голоса жертв звучат тише, чем в «Свидетелях войны», но не умолкают совсем; вместе с тем без такого контрастного фона невозможно почувствовать, насколько различно — и часто эгоистически — немцы выстраивали свое ограниченное понимание войны.

Одной из главных составляющих данной книги выступают собрания писем друг к другу возлюбленных, близких друзей, родителей и детей, ну и, конечно, супружеских пар. Подобными источниками пользовались многие историки, но зачастую с иным результатом. К примеру, Библиотека Новой истории (Bibliothek für Zeitgeschichte) в Штутгарте располагает знаменитой коллекцией примерно из 25 000 писем, собранных Рейнгольдом Штерцом. К сожалению, письма каталогизированы по хронологии, а не по авторам, а потому наглядно показывают срез субъективных мнений в конкретные моменты войны, но не дают возможности проследить цепочку — установить, насколько твердо написавший их человек держался своих убеждений на более или менее продолжительном временном отрезке. При отборе я взял на вооружение другой подход. Мне важен обмен корреспонденцией продолжительностью как минимум в несколько лет, что дает возможность наблюдать процесс изменения и развития личных отношений между людьми — да и самих мотивов, заставлявших их братья за перо, — по мере течения событий. Данный метод позволяет воссоздать более точную картину — посмотреть на происходящее через ту самую призму, сквозь которую отдельные индивиды видели и оценивали самые важные его моменты.

Нет-нет, этот подход к исследованиям придуман не мной. Выработали его историки Первой мировой войны начиная с 1990-х гг., и тут я многому научился у Кристи Хэммерле. Особенно повезло мне с возможностью получить доступ к личному архиву Вальтера Кемповски еще при его жизни; и я никогда не забуду теплый прием, оказанный мне Вальтером и Хильдегард Кемповски у них дома в Натуме. Сам архив хранится теперь в Академии художеств в Берлине. В собрании дневниковых записей (Deutsches Tagebucharchiv) в Эммендингене мне очень помог Герхард Зайтц, как и

Ирина Ренц — в Библиотеке Новой истории в Штутгарте. В Берлине ценными материалами снабжали меня Андреас Михаэлис из Немецкого исторического музея, Файт Дидцунайт и Томас Яндер из Архива полевой почты (Feldpostarchiv) при Музее связи и Государственного архива; как и Христиане Боцет из Военного архива Государственного архива (Bundesarchiv-Militärarchiv) во Фрайбурге. Клаус Баум и Конрад Шульц из архива свидетелей Иеговы в Германии в Зельтерс-Таунус предоставили мне экземпляры прощальных писем, написанных свидетелями Иеговы перед казнью за отказ от военной службы, а Александр фон Платон из Института истории и биографии в Люденшаиде познакомил меня с обширной коллекцией из начала 1950-х гг., где содержатся воспоминания школьников времен войны в Архиве Вильгельма Ройсслера (Wilhelm Roessler-Archiv). Я очень благодарен Ли Герхальтеру и Гюнтеру Мюллеру из Венского университета за материалы из Документации биографических записей (Dokumentation lebensgeschichtliche Aufzeichnungen) и Коллекции женского наследия (Sammlung Frauennachlässe). В особом долгу я перед Жаком Шумахером за его неистощимое стремление помогать на любом этапе моих исследований. Финансовую поддержку оказали мне Фонд Александра Гумбольдта (Alexander von Humboldt Foundation) и «Леверхюльм-Траст» (Leverhulme Trust), каковым я тоже очень и очень признателен.

Наделанные мною на протяжении такого продолжительного периода интеллектуальные долги слишком велики, чтобы суметь поблагодарить всех, кому я обязан. В 2006–2007 гг. в Берлине Юрген Коцка показал себя прекрасным хозяином, да и вообще не сосчитать людей, сделавших мое пребывание в Германии памятным и продуктивным. Многие друзья и коллеги подпитывали во мне волю к работе, делились идеями и находками, очень живо показав, что история — это продукт коллективного творчества. Среди моих замечательных коллег на историческом факультете Оксфорда и колледжа Магдалины я особенно благодарен Полу Беттсу, Лоренсу Броклиссу, Джейн Каплан, Мартину Конуэю, Роберту Гилдеа, Рут Харрис, Мэтту Хоулброку, Джейн Хэмфрис, Джону Найтингейлу, Шону Пули и Крису Уикэму.

В издательстве «Бодли-Хэд» (Bodley Head) мне очень повезло сотрудничать с Йоргом Хенсеном, Уиллом Салкином и, после выхода Уилла на пенсию, со Стюартом Уильямсом. С невероятной энергией и проницательным умом Лара Хеймерт ввела меня в мир фундаментальных изданий проекта Basic Books. Их приверженность к публикации книг, в которые они верили, действовала невероятно подбадривающе и порой вселяла в меня так необходимую для продолжения изысканий уверенность. Лара и Йорг отлично дополняли друг друга как редакторы, причем Йорг взял на себя тяжкую

обязанность редактировать текст страница за страницей. Работать с ними было сплошным удовольствием, и я благодарен всем, включая Клэр Александер и Салли Райли из Aitken-Alexander, которые оставались моими феями-крестными, делясь своей мудростью и воодушевляя меня на протяжении работы. Мне очень и очень повезло с ними.

Без интеллектуальной щедрости и поддержки многих друзей эта книга, по всей вероятности, так никогда бы и не появилась на свет. Пол Беттс, Том Броуди, Штефан Людвиг Хоффманн, Иэн Кершоу, Марк Роузман, Жак Шумахер, Джон Уотерлоу и Бернд Вайсброд — все они откладывали свою работу, чтобы по моей просьбе прочитать рукопись целиком. Я крайне признателен всем им и каждому в отдельности за бесценные советы, за информацию из их собственных исследований и за то, что оберегли меня по меньшей мере от некоторых грубейших исторических ошибок. Рут Харрис и Линдал Ропер прочитали весь текст дважды и оставили на нем неизгладимый след. На каждом из этапов проекта Линдал обсуждала со мной ключевые идеи в ходе попыток сформулировать их наилучшим образом. Никаких слов не хватит для выражения моей благодарности.

*Николас Старгардт
Оксфорд, 3 июня 2015 г.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке появления
на страницах повествования)

Эрнст Гукинг, крестьянский сын из Гессена, профессиональный солдат, пехотинец, и *Ирен Райц*, флористка из Лаутербаха (Гессен); поженились во время войны.

Вильм Хозенфельд, католик, ветеран Первой мировой и сельский учитель из Талау в Гессене, служил в немецком гарнизоне в Варшаве; его жена *Аннеми*, певица и протестантка, перешедшая в католичество; у них пятеро детей.

Йохен Клеппер, писатель из Николасзее (Берлин), женатый на *Иоганне*, обратившейся в протестантизм еврейке с двумя дочерьми.

Лизелотта Пурпер, фотокорреспондент из Берлина, и *Курт Оргель*, юрист из Гамбурга, офицер артиллерии; они поженились во время войны.

Виктор Клемперер, еврей-протестант, ветеран Первой мировой войны и ученый, и его жена *Ева*, в прошлом концертирующая пианистка.

Август Тёппервин, ветеран Первой мировой войны и преподаватель гимназии из Золингена, офицер, ответственный за военнопленных, и его жена *Маргарете*.

Фриц Пробст, столяр из Тюрингии, военнотружущий строительного батальона, и его жена *Хильдегарда*; у них трое несовершеннолетних детей.

Гельмут Паулюс, сын врача из Пфорцхайма и старший из четырех детей (остальные трое подросткового и юношеского возраста), пехотинец.

Ганс Альбринг и *Ойген Альтрогге*, оба из Гельзенкирхен-Бюра близ Мюнстера, друзья и члены движения католической молодежи; связист и пехотинец.

Вильгельм Мольденхауер, лавочник из Нордштеммена близ Ганновера, радист.

Марианна Штраус, еврейка, воспитательница детского сада из Эссена.

Урсула фон Кардорфф, журналистка из Берлина.

Петер Штёлтен из Целендорфа в Берлине, вестовой и (позднее) командир танкового подразделения.

Лиза де Бор, журналистка из Марбурга, замужем за Вольфом; трое взрослых детей: Моника, Антон и Ганс.

Вилли Резе, стажер-делопроизводитель в банке Дуисбурга, пехотинец.

Мария Кундера, работница железнодорожной станции Михельбойерн близ Вены, и *Ганс Г.*, сын железнодорожника, парашютист-десантник.

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война заслуживает права называться Немецкой войной как никакая другая. Нацистский режим превратил развязанный им конфликт в наиболее чудовищную бойню во всей европейской истории, прибегая к методам геноцида задолго до строительства первой газовой камеры на территории оккупированной Польши. Третий рейх уникален и тем, что потерпел полное поражение в 1945 г., к тому моменту до дна истощив моральные и физические ресурсы немецкого общества. Даже японцам не довелось сражаться у ворот Императорского дворца в Токио, а вот немцы дрались возле Имперской канцелярии в Берлине. Для ведения войны на подобном уровне нацистам пришлось добиться от людей такой общественной и личной мобилизации, какая, несмотря на все старания, в предвоенный период им и не снилась. И все же спустя семьдесят лет, невзирая на горы книг о причинах войны, ее ходе и творившихся тогда зверствах, мы до сих пор не знаем, за что же, по разумению самих немцев, они сражались и каким образом они смогли продолжать войну — вплоть до самого конца. Представленная вниманию читателя книга рассказывает о том, что переживал германский народ и что он перенес во время той войны [1].

Казалось бы, Вторая мировая должна была покинуть общественное сознание с течением лет и по мере угасания переживших ее поколений. Но происходит совсем наоборот. И особенно в Германии, где за последние пятнадцать лет появилось море кинолент и документальных фильмов, прошло множество выставок, увидела свет масса книг по данной теме. Академиче-

ское и популярное освещение вопроса имеет тенденцию типичного раскола во мнениях — склонность изображать немцев либо как жертв, либо как преступников. За последнее десятилетие громче звучит именно тема жертвы, поскольку авторы делают упор на воспоминаниях гражданских лиц, переживших огненные бури, разыгравшиеся в результате бомбардировок немецких городов авиацией Великобритании и США; на страданиях немецких беженцев, пытавшихся спастись перед лицом наступающей Красной армии; на убийствах и изнасилованиях, выпавших на долю тех, кто не успел убежать. Многие из пожилых немцев воскрешают в памяти самые болезненные картины прошлого просто из желания быть услышанными — рассказать и оставить это позади раз и навсегда. СМИ же превратили страдания мирного населения во времена войны в дело сегодняшнего дня, сосредоточивая внимание на бессонных ночах, ужасе перед налетами и непрекращающихся ночных кошмарах. Возникают общества так называемых детей войны, к месту и не к месту звучат термины вроде «травма» и «коллективная травма», призванные описывать подобного рода переживания. Но разговоры о травме демонстрируют тенденцию подчеркивать пассивность и невинность перенесших их людей, и это вызывает сильный моральный резонанс. Так, в 1980-х и 1990-х гг. под понятие «коллективная травма» подогнали и воспоминания уцелевших после Холокоста, что сулит жертвам «получение прав» — своего рода политическое признание [2].

Только крайне правые маргиналы, выходящие каждый февраль на митинги в память бомбардировки Дрездена в 1945 г. с плакатами «бомбовый Холокост», уравнивают беды мирного населения Германии со страданиями жертв нацистской политики уничтожения. Но даже такого рода провокации далеки от несгибаемого национализма, подогреваемого в 1950-х гг. в Западной Германии, где немецких солдат воспевали как героев за их «самопожертвование», тогда как их «зверства» списывали на убежденных нацистов, прежде всего эсэсовцев. Удобный штамп «холодной войны» о «хорошем» вермахте и «плохих» СС, очень пригодившийся для перевооружения Западной Германии и принятия ее как полноценного члена в НАТО в середине 1950-х гг., не выдерживает критики в середине 1990-х гг., благодаря — не в последнюю очередь — передвижной выставке «Преступления вермахта», где представлены фотографии публичных казней через повешение и массовых расстрелов с участием простых солдат. Широкий показ личных снимков, которые военнослужащие германских вооруженных сил носили в карманах формы вместе с фотографиями своих детей и жен, вызвал сильнейший отклик, особенно в областях Австрии или бывшей Восточной Германии, где подобные темы до 1990-х гг., как правило, не поднимались. Однако нельзя

сказать, будто не последовало обратной реакции, и, когда фокус дискуссии сменился в направлении немецких женщин и детей, ставших жертвами бомбардировок британской и американской авиации или насилия со стороны советских солдат, у некоторых комментаторов возникал страх перед возвратом к превалировавшей в 1950-е гг. практике состязания в том, кто же больше виноват [3].

Вместо этого два подпитываемых эмоциями сюжета войны следовали параллельными путями. Несмотря на принятие моральной ответственности, выразившееся в решении о создании крупного памятника Холокоста в центре Берлина, раскол во мнениях о том времени поразителен: кто же немцы, жертвы или преступники? Следя за публичной самокритикой, развернувшейся в Германии в 2005 г., в канун 60-й годовщины окончания Второй мировой войны, я убедился, что необходимость вывести и озвучить поучительные уроки из давних событий сегодня заставила ученых, а равно и СМИ обойти вниманием один из императивов истории, обязывающий нас в первую очередь и прежде всего хорошо понимать прошлое. Самое главное — историки не задавались одним естественным, казалось, вопросом: о чем говорили немцы и что думали они об их роли в то время? Например, до какой степени они выражали готовность обсуждать свое участие в войне на стороне проводившего геноцид режима? И насколько сделанные ими выводы меняли их видение войны в целом?

Кто-то предположит, будто подобные речи в полицейском государстве, да к тому же в военное время, попросту невозможны. В действительности уже летом и осенью 1943 г. немцы начали открыто говорить об убийствах евреев, увязывая их уничтожение с бомбардировками авиацией союзников мирного населения в Германии. Скажем, в Гамбурге отмечалось, «что простые люди, представители среднего класса и прочие граждане между собой, а также и при собрании людей постоянно высказываются, будто налеты есть повсюду за то, как мы обходимся с евреями». В баварском Швайнфурте народ говорил то же самое: «Ужасные налеты есть следствие мер, принимаемых против евреев». После второй бомбардировки города ВВС США в октябре 1943 г. жители открыто жаловались: «Если бы мы не поступали так плохо с евреями, нам бы не пришлось выносить эти ужасные налеты». К тому моменту о подобных настроениях соответствующие службы доносили властям в Берлине не только из крупных немецких городов, но и из «тихих заводов» — из глубинки, почти или вовсе не знавшей бомбежек [4].

Впервые услышав об этом, я испытал глубокое удивление, хотя и не сомневался уже, что послевоенные заявления немцев, будто они ничего не знали и ничего не делали, — не более чем удобная отговорка. Существующие

научные данные показывали, что в Германии военной поры везде ходили разговоры о геноциде. Однако прежде я, как и другие историки, предполагал, будто подобная информация распространялась в основном конфиденциально в кругу близких друзей и семьи, выходя за эти рамки только как слухи. Как мог Холокост сделаться предметом всеобщего обсуждения? Более того, подобные дискуссии подвергались отслеживанию и анализу со стороны тех самых сотрудников тайной полиции, служивших власти, каковая и занималась организацией депортации и уничтожения евреев на протяжении двух предшествовавших лет. Что еще более невероятно, всего через несколько месяцев после поступления этих сведений глава полиции и СС Генрих Гиммлер продолжал утверждать перед собранием других главарей Третьего рейха, что только они ответственны за искоренение европейского еврейства, и заявлял: «Мы унесем эту тайну с собой в могилу». Как же случилось, что столь охраняемая тайна стала явной? На протяжении последних двадцати пяти лет Холокост вышел на центральные позиции в нашем взгляде на нацистский период и Вторую мировую в целом. Однако, по меркам истории, произошло это совсем недавно, а потому мы никак не можем на данном основании делать выводы о том, как же именно видели свою роль немцы в ту пору [5].

18 ноября 1943 г. капитан доктор Август Тёппервин фиксировал в дневнике услышанные им «отвратительные, но, по-видимому, верные подробности о том, как мы уничтожали евреев (от детей до стариков) в Литве!». Он отмечал слухи о погромах и раньше, уже в 1939 и 1940 гг., но не на таком уровне. На сей раз Тёппервин дерзнул рассмотреть страшные факты с точки зрения морали, задаваясь вопросом, кого же законно убивать на войне. Он расширил список от неприятельских солдат и партизан, действующих в тылу у немецких войск, до ограниченных коллективных актов возмездия по отношению к потворствовавшим им гражданским лицам, но даже и тогда был вынужден признать, что совершаемое в отношении евреев есть вещи совсем иного порядка: «Мы не просто уничтожаем воюющих с нами евреев, мы в буквальном смысле стремимся вырезать этот народ под корень как таковой!» [6]

Глубоко верующий протестант и консерватор, учитель по профессии, Август Тёппервин с самого начала испытывал сомнения в отношении мотивов и методов войны, беспокоясь из-за жестокости политики Гитлера. Похоже, он персонифицирует тот моральный настрой и политическую отчужденность от нацизма, находившие выражение не в каком-то откровенном сопротивлении системе, но в определенной степени неприятия и во «внутреннем» несогласии с призывами и требованиями режима. Но существовала ли на деле подобная тихая «духовная гавань»? Считать ли все выражения колебаний в письмах к близким и в личных дневниках некой внутренней

оппозицией, а не всего лишь неуверенностью и реакцией на вызовы, перед которыми оказался автор? И в самом деле, Август Тёппервин продолжал верой и правдой служить режиму до последних дней войны. Выразив свое прозрение в словах «мы в буквальном смысле стремимся вырезать этот народ под корень как таковой», он умолк. Собственное признание, похоже, не противоречило для него вере в возложенную на Германию цивилизационную миссию идти на восток ради защиты Европы от большевизма.

Тёппервин более так и не поднимал тему убийства евреев до марта 1945 г., когда впервые за все время стал отчетливо осознавать неизбежность поражения Германии: «Человечество, которое ведет такую войну, сделалось безбожным. Русское варварство на востоке Германии, кошмарные налеты британцев и американцев, наша борьба с евреями (стерилизация здоровых женщин, расстрелы всех от детей до старух, отравление газом евреев целыми вагонами)!» Если приближающийся разгром казался ему своего рода наказанием свыше за содеянное по отношению к евреям, то, как следует из слов Тёппервина, последнее было не хуже и не лучше, чем действия союзников против немцев [7].

Применительно к лету и осени 1943 г. мотивации, побуждавшие мирное население на домашнем фронте от Гамбурга до Швайнфурта так открыто и обреченно говорить о злодеяниях Германии против евреев, заключались в ином. В период между 25 июля и 2 августа 1943 г. бомбардировкам с воздуха подвергся Гамбург, где разгорелся гигантский огненный смерч, уничтоживший половину города и стоивший жизни 34 000 человек. Многих немцев случившееся заставляло искать параллели с апокалипсисом. Как доносила Служба безопасности СС (СД), демонстративный террор по отношению к жителям главных городов послужил — «к великому прискорбию» — причиной исчезновения по всей Германии «чувства безопасности», сменившегося «слепой яростью». В первый день бомбежки, 25 июля, произошло и еще одно важное событие, хотя и за пределами Германии. Итальянского диктатора Бенито Муссолини, находившегося у власти двадцать один год, свергли собственные соратники в результате бескровного переворота. Немцы немедленно связали воедино то и другое. На протяжении следующего месяца народ, по словам осведомителей, открыто обсуждал, не стоит ли последовать примеру итальянцев и заменить нацистский режим военной диктатурой, поскольку такая перестановка сулила «лучший» или, возможно, даже «последний» шанс достигнуть «сепаратного мира» с Западом. В умах нацистского руководства подобные настроения виделись наверняка тревожным индикатором падения боевого духа в народе и опасностью повторения капитуляции и революции ноября 1918 г.

В действительности кризис продлился недолго. К началу сентября 1943 г. все закончилось, поскольку режим поспешил вложить значительные ресурсы в улучшение гражданской обороны и организовать массовые эвакуации из городов. Между тем военное положение вермахта в результате занятия значительной территории Италии стабилизировалось, ну и гестапо со своей стороны удалось подавить «пораженческие» разговоры, похватав некоторых особо откровенных граждан. Как в размышлениях Тёппервина, так и в публичных обсуждениях тему ответственности немцев за убийство евреев подогревало чувство глубокого морального и физического беспокойства, поскольку набиравшее силу и размах наступление Бомбардировочного командования британских ВВС распространяло ощущение уязвимости далеко за пределы подвергавшихся бомбежкам городов. Значение временного политического кризиса, спровоцированного ударами по Гамбургу, состояло в факте выхода страха на поверхность; дальнейшие обострения стали развиваться по тем же шаблонам — в разговорах немцами будет руководить смешанное чувство обеспокоенности из-за собственной вины и их роли жертв [8].

Для немецких евреев их понимание войны неизбежно формировал разворачивавшийся Холокост. Но другие немцы воспринимали все с противоположной точки зрения: их в основном тревожила война, в свете чего они и воспринимали геноцид. Взгляд у тех и других на одни и те же вещи складывался совершенно несхожий, обусловленный сильнейшей разницей в возможностях и выборе, искаженный абсолютно разными страхами и надеждами. Эта проблема и сформировала мой подход к написанию истории происходившего в Германии в военное время. Если другие авторы подчеркивали механизмы массовых убийств и обсуждали, почему вообще стал возможен Холокост, я в большей степени сосредоточился на том, как именно само немецкое общество воспринимало и принимало эти знания в форме свершившегося факта. Какое воздействие оказало на немцев постепенное осознание того, что они участвуют в войне и геноциде? Или, если поставить вопрос по-другому, как война привела их к пониманию того, что есть геноцид?

Период июля и августа 1943 г. оказался, совершенно очевидно, моментом одного из глубочайших кризисов за все военное время в Германии, когда люди от Гамбурга до Баварии объясняли гигантские налеты союзников на города и уничтожение в них множества гражданских лиц воздаянием за то, «что мы сделали евреям». Такие разговоры о каре от союзников, или о «еврейском возмездии», подтверждают верность соображения о том, что позиция нацистской пропаганды, настырно — особенно в первые шесть ме-

сяцев 1943 г. — подававшей авианалеты как «еврейский бомбовый террор», в общем и целом населением принималась. Однако реакция народа приобрела неожиданный для властей оттенок самобичевания, крайне неприятно поразив Геббельса и прочих нацистских вождей. Казалось, людям хотелось разорвать порочный круг уничтожения теперь, когда немецкие города стали превращаться в руины. Однако «меры, принимаемые против евреев», как именовалось в устах СД их фактическое убийство, уже отошли в прошлое: массовые депортации евреев по всей Европе закончились в прошлом году. Огненная буря в Гамбурге поставила немцев в условия новой «тотальной» войны, ибо угроза уничтожения с воздуха сделалась безграничной.

Примитивные дуалистические метафоры «или — или», «быть или не быть», «все или ничего», «победа или смерть» имели в идеологии Германии долгую историю. Они лежали не только в основе главных идей Гитлера с самого поражения Германии в 1918 г., но выступали краеугольным камнем пропаганды Первой мировой войны с 6 августа 1914 г., когда кайзер озвучил свое «Обращение к германскому народу». Однако не этот апокалиптический взгляд на вещи поддерживал и укреплял популярность Гитлера в 1930-е и в первые годы Второй мировой, хотя ближе к концу войны восприимчивость немецкого общества к таким рассуждениям действительно заметно выросла. Отвернувшаяся от немцев военная фортуна словно овеществила экстремистские речи. В свете «бомбового террора» союзников угроза самому существованию — «быть или не быть» — обрела очень неприятный буквальный смысл. Пищей для развития кризиса летом 1943 г. послужил охвативший немцев страх перед перспективой сполна изведать ужасы развязанной ими беспощадной расистской войны. В ходе преодоления сильнейшего кризиса суровая реальность заставила людей не только распротиться с прежними ожиданиями и прогнозами в отношении течения войны, но и переступить через традиционные нравственные запреты, забыть о привычных понятиях порядочности и стыда. Воевавшие за Гитлера немцы вовсе не обязательно были нацистами, но в любом случае им предстояло на собственном примере уяснить, сколь тщетен расчет остаться в стороне от беспощадности войны и избежать воздействия созданных ею апокалиптических умонастроений [9].

Такая способность кризисов во время войны видоизменять или укоренять общественные ценности глубочайшим образом сказывается на нашем взгляде на взаимоотношения нацистского режима и немецкого народа. На протяжении последних тридцати лет большинство историков считали, будто кризисы, вызванные сожжением Гамбурга или гибелью 6-й немецкой армии под Сталинградом несколькими месяцами ранее, повергли немецкое обще-

ство в повальное уныние и пораженчество, и население, шаг за шагом отчуждавшееся от режима с его целями, в массе своей удерживалось в узде лишь нацистским террором. В действительности прямой связи между падением народного одобрения политики властей и ростом репрессий в середине войны не наблюдается: количество смертных приговоров в судах драматическим образом подскочило с 1292 случаев в 1941 г. до 4457 в 1942 г., то есть до окончательного разгрома под Сталинградом. Немецкие судьи реагировали тогда не на рост недовольства и брожение в низах, а на давление сверху, прежде всего со стороны Гитлера, требовавшего беспощадно карать уголовников, особенно рецидивистов. Существовала к тому же и система расового правосудия, в результате чего львиную долю казненных составляли угнанные на работу в Германию поляки и чехи. Лишь осенью 1944 г., когда армии союзников сосредоточились на границах Германии, под растущую волну репрессий стали попадать «рядовые немцы», однако настоящий разгул террора наблюдался только в заключительные недели боевых действий — в марте, апреле и в первые несколько дней мая 1945 г. Даже последние спазмы массового насилия не повергли в безмолвие немецкое общество; скорее, напротив, многие граждане Германии продолжали считать, что как верные патриоты обязаны открыто критиковать провалы нацистов. По собственному разумению немцев, их готовность делать это играла важную роль в борьбе с врагом до самого конца войны [10].

Живучее представление о пораженчестве среди немцев основывается до известной степени на здравом смысле: историки увязывают между собой успехи режима и одобрение народа, с одной стороны, и провалы нацистов с критикой и недовольством в их адрес — с другой. Подобные шаблоны, несомненно, работают в мирное время, но не в условиях глобальной войны. Иначе нельзя объяснить происходившее на самом деле. Как же немцы смогли продолжать сражаться с 1943 по 1945 г., когда материальные и людские потери с их стороны только нарастали, причем неизменно? Эта книга представляет совершенно иной взгляд на воздействие поражений и кризисов на немецкое общество во время войны. Террор, безусловно, играл свою роль в отдельные моменты, но он никогда не служил единственной — или наиболее важной — причиной того, почему немцы продолжали драться. Нельзя сбрасывать со счетов ни нацизм, ни саму по себе войну, поскольку немцы рассматривали перспективы своего поражения в свете самого их существования как народа. Чем хуже шли дела на фронте, тем более очевидно «оборонительный» характер принимало противостояние. Сменявшие друг друга, но вовсе не приводившие к крушению кризисы выступали в качестве катализатора радикальной трансформации, по мере того как немцы